

Э.И.Колчинский

ТРУДНЫЕ ГОДЫ НАУКИ ГЛАЗАМИ ОДНОГО ФИЗИОЛОГА (Интервью с академиком А.М.Уголевым)

Вторая половина 40-х — начало 50-х гг. занимают особое место в истории отечественной науки. Победа в войне с Германией привела к росту самосознания народа, спасшего ценой громадных жертв человечество от фашизма. Этому способствовало и сохранение многих традиций отечественной культуры и науки, выживших, несмотря на страшные репрессии 30-х гг., которые уничтожили целые научные направления. И хотя страна лишилась многих выдающихся ученых, общий уровень исследований в большинстве областей естествознания оставался достаточно высоким и в целом соответствовал главным тенденциям развития мировой науки.

Подобное положение, однако, не устраивало тогдашнее руководство страной, которое еще в конце 20-х гг. посчитало необходимым приступить к созданию некоей особой, доступной для понимания и руководства, дилетантской пролетарской науки, базирующейся на идеологии вульгаризированного диалектического материализма. И если в довоенные годы репрессиям подвергались лишь отдельные концепции и направления в области биологии, то начиная с 1948 г. шло тотальное преобразование всей биологии в советскую мичуринскую биологию (дискредитирующую, кстати, и работы самого Мичурина), отличающуюся от зарубежной науки и основанную на принципах "советского творческого дарвинизма" Т.Д.Лысенко, "новой клеточной теории" О.Б.Лепешинской и других псевдонаучных построениях. С этой целью была организована серия сессий различных академий наук, на которых громились целые отрасли биологии, а их создатели и приверженцы отлучались от науки, изгонялись с работы. Одновременно шла борьба с так называемым космополитизмом, в ходе которой делались попытки доказать, что все крупные открытия в различных областях науки и техники сделаны русскими учеными, а зарубежные исследователи в лучшем случае были лишь простыми эпигонами.

Еще предстоит оценить вред тех лет, нанесенный отечественной науке. Были созданы не только громадные трудности для развития биологии, но ликвидировались целые школы и направления. Существовали трудности и в подготовке научных кадров. Многие ученые, составляющие цвет современной науки, именно в те годы делали первые шаги в науке, испытывая все сложности в сохранении свободы научного творчества в условиях тотальной регламентации всех сторон жизни. Были и сложности в трудоустройстве. Зачастую начинающий ученый был вынужден довольствоваться случайными заработками.

С трудностями в начале своей научной деятельности столкнулся и выдающийся советский физиолог академик А.М.Уголев, с именем которого связаны такие фундаментальные открытия, как мембранное пищеварение, общие эффекты ки-

шечной гормональной системы и др. Уголев — создатель новой теории адекватного питания, в которую классическая теория сбалансированного питания вошла как важная составная часть, концепции универсальных функциональных блоков и эволюции функций путем рекомбинации таких блоков, происхождения и эволюции основных типов пищеварения, метаболической теории аппетита и т.д. Уголевым сформулированы также основные положения новой междисциплинарной науки — трофологии.

В публикуемых выдержках из интервью с А.М.Уголевым, которое было взято в апреле-мае 1990 г. за несколько встреч, речь шла прежде всего о социально-политической обстановке конца 40-х — начале 50-х гг. и ее влиянии на формирование целей, методов и этики научных исследований.

Вопрос. Александр Михайлович, Ваши первые научные исследования были выполнены в стенах Военно-морской медицинской академии. Как традиции и особенности академии, которая вскоре была ликвидирована, сказались на Ваших научных интересах и методах работы, этике научного исследования? Как общая обстановка в стране повлияла на внутриакадемическую жизнь?

Ответ. Годы, проведенные в Военно-морской медицинской академии, я считаю очень важными в своей жизни. К сожалению, академия просуществовала недолго, но ее научная и психологическая атмосфера оказалась весьма благоприятной и плодотворной. Неудивительно, что многие современные теоретики и практики наших биологии и медицины являются воспитанниками этой академии. В силу ряда обстоятельств военного времени она представляла собой прежде всего некий семейный очаг, вокруг которого совместно жили курсанты, преподаватели и профессора. И хотя общение между ними было регламентировано Военно-морским уставом, когда дело касалось работы на кафедрах, оно становилось академическим. Наши учителя старались всячески нам помочь и поддержать в трудные минуты.

Правда, требования Устава многие переносили очень тяжело. На каждом курсе были случаи самоубийства. В основном это было обусловлено тем, что мы жили достаточно изолированно от общества. Например, за первый год обучения я был в увольнении всего один или два раза.

Для меня, однако, эта жизнь, несмотря на все сложности, не была в тягость. Я не считал унижительными обязанности, возлагаемые на нас Уставом, а выполнял их как должное. С придирками начальства мне чаще всего помогал справиться юмор. Если некоторыми курсантами грубые приказы начальства воспринимались как оскорбление, то у меня они чаще всего вызывали смех. В тех же случаях, когда я сталкивался с проявлениями морального садизма со стороны начальства, то реагировал достаточно твердо. За это я не раз был на гауптвахте, а один раз даже должен был пойти под военный трибунал. Но меня спасло заступничество профессоров и мудрое решение начальника академии генерала А.И.Иванова. Он наложил на меня взыскание раньше, чем до него дошел официальный рапорт сержанта, моего командира-обидчика, которого я вынужден был ударить за оскорбление, нанесенное мне.

Академия приучила меня к дисциплине и тяжелой работе. По выходным дням мы рыли траншеи, разгребали завалы в городе. Была очень строгая самоподготовка: 8 часов в день, когда 50 минут занятий под наблюдением офицера прерывались лишь 10-минутным отдыхом. Спокойному отношению к тягостным обязанностям способствовало и мое знакомство на кафедре физиологии человека и животных с Владимиром Николаевичем Черниговским. Он объяснил мне, что в науке нет чистой и грязной работы. Всякая работа одинаково важна и должна быть сделана хорошо.

Кроме Черниговского в академии большое влияние на меня оказал А.П.Быстров, который был не только крупным эволюционистом и палеонтологом, но и блестящим художником, и поэтом. Я старался с ним общаться как можно больше, так как он рассказывал массу интересного, что помогло мне лучше понять различные концепции в области эволюции.

Быстров был великим педагогом. Именно он привил мне правило: всякую работу делать с удовольствием, даже если она неприятна. Его формулировка звучала примерно так: "Чем неприятнее работа, тем больше удовольствия надо из нее извлечь, ибо в противном случае она становится невыносимой". Кроме того, я усвоил другое его правило: "Все нужно изучать один раз в жизни и навсегда". Следуя ему, я уже на первом курсе потратил два месяца на то, чтобы овладеть всеми способами перкутирования, и больше к этому не возвращался.

Среди преподавателей академии были и другие выдающиеся ученые. Это Н.В.Лазарев (физико-химическая биология), В.С.Галкин (патофизиология), З.С.Кацнельсон (общая биология и ее история) и др.

В годы пребывания в академии были выполнены и мои первые научные работы, темы которых были предложены В.Н.Черниговским. В них были определенные методические разработки и изобретения, но не преследовалась цель решить теоретические проблемы. Вообще первоначально я старался избегать теоретических рассуждений и построений. Мною были сделаны три доклада на кафедре физиологии, которые неожиданно для меня получили высокую оценку. По существующей в академии системе подсчета очков я оказался первым учеником и стал сталинским стипендиатом.

Завершая свой ответ о Военно-морской медицинской академии, я хочу еще раз сказать, что она была исключительно полезной. Обучение в ее стенах сыграло большую роль в моей судьбе, развил ряд интересов, привив терпение и дисциплинированное честолюбие, при котором было ясно, что успеха можно добиться не скоро и только в результате тяжелого труда. В конечном счете из нас выработывали порядочных людей, нужных флоту. И мы были готовы умереть за правое дело.

Вопрос. Ваши студенческие работы были выполнены на кафедре физиологии, руководимой К.М.Быковым. Таким образом, в течение нескольких лет Вы могли близко общаться с ним. Как известно, Быков оставил весьма своеобразный след в истории советской физиологии. Многие сравнивают его даже с Т.Д.Лысенко, во всяком случае по роли в репрессиях, обрушившихся на нашу науку в конце 40-х — начале 50-х годов. Не могли бы Вы кратко рассказать о своих впечатлениях о Быкове?

Ответ. В своем ответе я постараюсь быть объективным. Прежде всего следует сказать, что Быков, как я узнал много позднее, по происхождению был из интеллигенции консервативных кругов, и сам в молодости придерживался консервативных взглядов. Во время гражданской войны он какое-то время служил даже в армии Колчака. Это меня поразило, так как в момент нашего знакомства Быков был Председателем Верховного Совета РСФСР.

По моим предствлениям, Быков появлялся на кафедре довольно редко. За долгие годы учебы мне удалось услышать всего одну его лекцию и несколько докладов. Кроме того, я был на ряде его семинаров. В лекции речь шла о рефлекторной дуге. Однако на доске висела схема слюнной железы, которую Быков почему-то, вероятно от невнимания, именовал схемой рефлекторной дуги. Я был очень удивлен этим и сказал Черниговскому, что академик Орбели — это настоящий академик, а академик Быков путает слюнную железу и рефлекторную дугу. На это Черниговский ответил: "Если говорить в понятиях музыки, то Леон Абгарович — это Давид Ойстрах, который всегда играет превосходно, а Константин Михайлович — это Мирон Полякин, который часто играет неважно, но иногда — гениально. Ты походи на семинары Быкова".

Надо сказать, что на этих семинарах я услышал поразительные вещи. Первый раз речь шла об осморцепторах, и Быков высказал ряд идей, которые лишь значительно позже стали предметом серьезных научных исследований. Второй раз это было на одном из докладов, где Быков говорил, что возбуждение вообще и торможение вообще изучать нельзя. Например, Н.Е.Введенский много и плодотворно работал потому, что исследовал нервномышечный препарат и через него

увидел общие закономерности нервного возбуждения и торможения. И.П.Павлов изучал слюнную железу и через нее увидел мозг. А вот если бы Павлов исследовал общие закономерности высшей нервной деятельности, то он ничего бы не смог сделать. И далее Быков исключительно интересно говорил о том, что ученый должен иметь инструмент для научного открытия, приводя в качестве аналогии занятия музыкой. Хотя музыка является абстрактным искусством, нельзя быть музыкантом вообще. Нужно в совершенстве владеть каким-либо конкретным музыкальным инструментом. Эта тонкая и глубокая мысль произвела на меня большое впечатление. Хотя после этих слов Быкова многие слушатели остались при убеждении, что можно изучать возбуждение и торможение вообще, для себя я решил, что всегда буду анализировать лишь конкретный объект. Таким объектом для меня стала кишечная клетка.

После моих докладов на кафедре физиологии Быков заинтересовался мною и другим докладчиком — В.М.Хаютиным. В знак своего расположения он подарил нам двоим одну книгу. Я был удивлен таким подарком, так как ни до, ни после мне не приходилось видеть, чтобы одной книгой премировали двоих.

Нельзя обойти молчанием поведение Быкова на так называемой Павловской сессии двух академий наук (АН СССР и АМН СССР). На меня выступление Быкова на этой сессии произвело тяжелое впечатление. Следует сказать, что в ее подготовке Быков играл весьма пассивную роль. Вначале на место лидера советской физиологии и соответственно главного докладчика планировался А.Д.Сперанский, но потом почему-то решили использовать Быкова. Основными застрельщиками этой сессии были Ю.А.Жданов, Э.Ш.Айрапетянц и М.Е.Лобашев — ученые, в свое время много сделавшие для защиты генетики и пострадавшие за это. Видимо, в глазах Сталина они старались реабилитировать себя за поддержку генетики.

Когда одна "научная дама" стала при мне хвалить Быкова, я сказал, что наследник русской интеллигенции не должен был произносить слов, какие были произнесены Быковым на павловской сессии. На что она ответила: "Вы несправедливы к Быкову. В свое время я упрекнула его в несправедливом отношении к Вам, но он сказал, что это не так. Он хорошо знает Александра Михайловича и даже знает, что они с Борисом Кулаевым делали в его рабочем кабинете. Кулаев в столе из красного дерева держал яловые ботинки, а Уголев — бутылку водки и стихи. Одно стихотворение он даже прочитал: "Речь сказал и был таков, академик К.Быков"... "Но я никогда никому об этом не рассказывал", — добавил Быков. И действительно, мы буквально безобразничали в его кабинете, а среди стихов были и более резкие, затрагивающие не только Быкова, но и других лиц. И мне, вероятно, было бы не сдобровать, если бы Быков предал их гласности.

Вопрос. А как Быков оценивал свое участие в павловской сессии, особенно после того, как всем стал очевиден ее полицейский характер?

Ответ. Я этого не знаю, так как после сессии никогда не участвовал в "пиршествах" по поводу победы так называемой павловской школы в физиологии.

Вопрос. Почему Вы ушли из Военно-морской медицинской академии?

Ответ. Незадолго до моего окончания академии К.М.Быков спросил В.Н.Черниговского о моих научных планах и перспективах. Черниговский выразил желание оставить меня при кафедре физиологии. Но Быков сказал, что погоня и наука несовместимы и надо демобилизоваться. Это не соответствовало моим планам, так как я привык к военной среде и мне импонировали отношения, существовавшие в академии: точность, открытость, честность, патриотизм. Однако Черниговский отметил, что он простой профессор и подполковник и не может противостоять академику и генерал-лейтенанту Быкову. Как Быков решил, так и будет. В конечном счете я был демобилизован против моей воли. И только впоследствии я понял, как мне повезло. В год выпуска обострилась международная обстановка, и весь курс был направлен на Тихий океан, в том числе и десять лучших выпускников, которых обычно оставляли при академии для подготовки к научной работе.

Зная, что Быков подписал ходатайство в Президиум АН СССР о зачислении меня к нему в аспирантуру, я уехал в Днепропетровск, где в Медицинском институте намеревался завершить свое образование. Помимо того, что в Днепропетровске жила моя мама, я выбрал этот институт и потому, что здесь работал знаменитый физикохимик А.И.Бродский. Я в это время параллельно учился и на 3-м курсе химического факультета Ленинградского университета и надеялся дипломную работу по химии писать у Бродского. Но, увы. Незадолго до моего приезда в Днепропетровск Бродский был привлечен к работе над атомной бомбой. Главная цель моего пребывания в Днепропетровске оказалась недостижимой, а 5-й курс Медицинского института был для меня простым повторением.

К сожалению, ответ из Президиума АН СССР на письмо Быкова о зачислении меня в аспирантуру задержался в Киеве. К распределению у меня на руках было только личное письмо Черниговского, в котором сообщалось, что получен положительный ответ на просьбу Быкова. И мне повезло. Деканом нашего факультета был выдающийся гистолог, член-корреспондент АМН СССР Н.Н.Зазыбин, который всех студентов называл деточками. Узнав от меня о письме Черниговского, Зазыбин заявил, что он как декан распределяет меня к Быкову в аспирантуру. Так я получил направление в Ленинград.

Вопрос. Что помешало Вам в конечном счете поступить в аспирантуру к Быкову? Ведь у Вас не было конкурентов.

Ответ. Да, место было выделено специально для меня, но я должен был сдать вступительные экзамены в аспирантуру. Первый из них был по физиологии, и сдавать его я должен был ввншительной комиссии, в которую входили такие светила физиологии, как Г.В.Гершуни и А.Г.Гинецинский, а во главе стоял Л.А.Орбели. Напутствуя меня на экзамен, Быков сказал: "Помните, что Вы там будете представлять научную школу". Смысл этих слов я понял только во время экзамена. Меня в течение полутора часов спрашивали по всему курсу физиологии, задавая вопросы, выходящие за пределы требований, предъявляемых к поступающим в аспирантуру. Только после многочисленных вопросов и ответов меня отпустили, поставив оценку "отлично" и засчитав вступительный экзамен за кандидатский. Как кандидатский был засчитан экзамен и по марксизму-ленинизму. Однако на экзамене по английскому языку меня дважды провалили, хотя я и знал его.

Подоплека этой истории, видимо, стала известна Быкову и Черниговскому. Во всяком случае, никто из них не упрекнул меня за провал. Мне предложили поступить в аспирантуру Военно-медицинской академии, где у меня уже были соперники. Со слов начальника отдела кадров я записал дату сдачи документов. За два дня до истечения этого срока мне позвонил Черниговский и упавшим голосом сказал: "Саша, ты не сдал документы и тебя не допустили к экзаменам". Я посмотрел в записную книжку и ответил, что у меня записана точная дата и я готов ответить перед любым судом. По просьбе Черниговского я отправился к этому начальнику отдела кадров. Он не стал отказываться от своих прежних слов, но бросил мне такую реплику: "Как Вы можете заниматься наукой, если не можете решать личные дела". Я ответил: "Беда нашей науки заключается в том, что ею занимаются люди, устраивающие в основном личные дела". Впоследствии мне сказали, что эта фраза дошла до Быкова, который почему-то принял ее на свой счет, хотя я ни в коем случае не имел в виду какое-либо конкретное лицо.

По совету Черниговского я все же поехал к вице-президенту АМН СССР П.А.Куприянову, чтобы, сославшись на техническую ошибку со сроками сдачи документов, просить разрешения держать экзамены в аспирантуру. Однако оказалось, что всесильный вице-президент не в силах разрешить мне сдать документы после установленного срока. Так я оказался вне аспирантуры.

Вопрос. Как Вам удалось в этих условиях продолжать научные исследования и даже довольно быстро защитить кандидатскую диссертацию?

Ответ. Оказавшись безработным и без средств к существованию, я ни на один день не прекращал свою экспериментальную работу. Ежедневно я являлся к 8 часам утра в лабораторию и уходил только в 6 часов вечера. Работал я тогда в лаборатории ИЭМа АМН СССР, руководимой Р.П.Ольнянской. Кроме того, я занимался в лаборатории биофизики Ленинградского университета, причем меня хотели даже взять туда на постоянную работу, но Быков меня не отпустил, так как я продолжал числиться в его распоряжении. На ставку лаборанта хотел взять меня и Черниговский, но Айрапетянц возражал против этого, уверяя, что намеревается взять меня в свою лабораторию научным сотрудником. Создавалась парадоксальная ситуация: ряд коллективов хотел взять меня на работу, а я был безработным.

В это же время я продолжал посещать и различные научные семинары, а также заседания, в том числе ученого совета ИЭМа АМН СССР. Во главе этого ученого совета стоял тогда замечательный ученый и человек Д.Н.Насонов, которого я глубоко почитаю по ряду причин научного и морального порядка и в честь которого назван мой сын. Присутствовал я и на заседании ученого совета осенью 1948 г., на которое приехали трое учеников Сперанского: Дурмишьян, Острый и Броневицкий. В своих выступлениях они ругали Насонова буквально за все. Ему инкриминировали даже якобы происшедшую пропажу 6 кубометров дров. Я решил, что здесь какое-то недоразумение и необходимо его разрешить как можно скорее. Суть моего выступления заключалась в том, что в науке существуют и должны существовать разные методы и подходы и каждый волен выбирать себе те, которые больше соответствуют склонностям ученого. И поэтому нельзя ругать Дмитрия Николаевича только за то, что он использует собственные подходы к решению ряда научных проблем. С большой похвалой я отозвался и о моральных качествах Насонова. На заседании было много членов ученого совета, которые были явно согласны с моими доводами. Во всяком случае, они одобрительно кивали головами. Я тогда подумал: что же происходит? Столько согласных, а никто ничего не говорит. Почему это происходит? Как устроена общественная совесть и как она функционирует? Относительно дров я высказал предположение, что они скоро найдутся. Так впоследствии и оказалось. Однако Насонов был все же снят с поста директора института.

Хорошо помню, что никто, кроме меня, тогда не выступил. И тем более странно читать сейчас, что якобы на том заседании многие сотрудники выступали в защиту Насонова. В целом все же вряд ли это можно поставить кому-либо в вину. В сущности, такие выступления ничего не могли изменить.

Тем не менее мне кажется, что вопреки широко распространенному мнению общий уровень "внутренней" нравственности общества в 40-50-е годы, о которых идет речь, был гораздо выше, чем сейчас. Хотя сегодня больше эффектных слов, и звучат они гораздо возвышеннее. В настоящее время многие пишут, что в сталинскую эпоху люди были развращены. На это можно ответить: кто как. На самом деле, как в любое трудное время, ужесточается действие отбора — и происходит резкая дифференциация людей, при которой одних отбрасывает резко вправо, а других — резко влево. Еще раз хочу повторить, что многие хорошие качества тогда были развиты достаточно сильно и это помогало выдержать в трудной ситуации.

Я могу об этом судить: именно ненавязчивое внимание и помощь позволили мне пережить период безработицы, так как с дипломом врача нельзя было устроиться на другую работу. В комнате, где я временно обитал, было печное отопление, а дров не было. Я вынужден был спать сидя и в одежде. Мои коллеги по лаборатории специально приносили побольше еды, чтобы подкормить меня. Но это не могло продолжаться долго. Вскоре А.Я.Ярошевский обнаружил у меня голодные отеки. Ни на что уже не приходилось надеяться, надо было уезжать из Ленинграда...

Но здесь судьба сделала счастливый поворот. В это время крупнейший специалист з области экологической физиологии профессор А.Д.Слоним, который

заведовал лабораторией у Быкова и кафедрой в Стоматологическом институте, искал на место доцента человека, которого можно было в любой момент уволить. Вероятно, я подходил на эту роль. Меня зачислили условно на должность доцента со ставкой ассистента, т.е. 1050 рублей в месяц (старыми деньгами). Тогда мне казалось, что это громадная сумма. Обязанности же были охарактеризованы кратко: "Занимать должность, пока не подыщется достойная кандидатура". Поэтому я стал готовиться к следующей безработице, откладывая часть денег на это время. На кафедре, руководимой Слонимом, и были выполнены основные эксперименты, составившие кандидатскую диссертацию.

Вопрос. Почему Вы для экспериментальной работы, посвященной изучению слюнных протоков, выбрали столь неблагоприятные объекты, как кошки, кролики, морские свинки, у которых Павлов считал невозможным выработать условный рефлекс на сигналы о пище, так как у них нет при виде пищи слюноотделения?

Ответ. Действительно, Павлов считал операции с выведением протоков околовших слюнных желез у этих животных невозможными. Мой выбор был обусловлен не незнанием работ Павлова, а тем, что в этих операциях меня привлекали прежде всего красота и новизна эксперимента. Кроме того, в них усматривалась возможность компромисса между научными интересами Черниговского и Слонима. Ни о каких теоретических обобщениях я даже и не помышлял.

Опыты на кошках дали неожиданные результаты. У этих животных нет слюнного рефлекса, т.е. слюноотделения при виде мяса. Мне же удалось получить этот рефлекс. Быков и Слоним были поражены этим, так как Константин Михайлович сам слышал от Павлова, что у кошек условный слюнный рефлекс можно получить лишь на базе двигательной методики.

Выяснилась, однако, чрезвычайно интересная вещь. Отсутствие слюноотделения имело приспособительное значение, так как кошки охотятся не с гона, а подстерегая добычу. В этих условиях выделение слюны является не полезным, а вредным признаком. Можно было допустить, что если бы кошки не охотились, то у них было бы слюноотделение, как у собак. Вспоминая свое юношеское увлечение Дарвином, я стал изучать историю приручения кошек. Выяснилось, что у персидских кошек при приручении охотничий инстинкт был уничтожен. На рынке я купил персидскую кошку, и оказалось, что у нее слюна течет, как у собак. Даже в мою диссертацию вошла фотография кошки с сидящей на ее голове мышью, причем у кошки в это время течет слюна. Потом я научился оперировать новорожденных котят. Выяснилось, что, пока у них не появится охотничий инстинкт, все идет, как у собак. Но если котят постепенно приучить к охоте, то слюноотделение исчезает. Результаты этих опытов свидетельствовали о существовании каких-то условных рефлексов, не связанных с простым замыканием условных связей, а опосредованных поведением.

В это время на кафедре Стоматологического института появился доцент. При наших совместных операциях выяснилось, что доцент не владеет элементарными хирургическими навыками. Я счел неприличным ассистировать такому человеку и сказал Слониму: "Под этой тетей я работать не буду, так как это профанация науки. За время работы у Вас я скопил кое-какие средства и готов хоть сейчас подать заявление об уходе". Слоним спросил: "А куда Вы пойдете?" Я твердо ответил: "На улицу, если Вы не найдете другого доцента". После этого ставка доцента была переделана в ставку ассистента, и я на ряд лет остался на кафедре, руководимой Слонимом. Однако вскоре я вновь превратился в полубезработного ("полуассистента").

Кандидатскую диссертацию я защищал в январе 1951 года после павловской сессии, а сама работа была написана до нее. Так вот, в диссертации у меня были ссылки на работы П.К.Анохина, И.С.Бериташвили, Л.А.Орбели как на ученых, внесших громадный вклад в развитие сравнительной физиологии высшей нервной деятельности. Мой официальный оппонент Д.А.Бирюков до защиты диссертации предложил мне изъять эти фамилии, но, поскольку он не привел никаких научных

доводов, я посчитал возможным проигнорировать это указание и на защиту вышел с первоначальным текстом. Я считаю своим долгом рассказать об этом, так как теперь в публикациях, посвященных событиям тех лет, есть тенденция сгущать краски. Обычно на темном фоне рисуют одно-два светлых пятна. Если одно — то это сам рассказчик; если два — то это Н.И.Вавилов и Л.А.Орбели, и так далее. На самом деле ситуация была иной. Порядочных людей было все-таки больше, чем непорядочных. Хотя Бирюков на защите и критиковал меня за академическую ограниченность, проявившуюся в цитировании всех подряд, его критика не была резкой. Из 31 члена ученого совета за диссертацию голосовали 30, несмотря на мой ответ Бирюкову, что Орбели, Анохин и Бериташвили — крупнейшие ученые и, по моему мнению, их нельзя обойти молчанием. В других научных кругах такая идеологическая "незрелость" могла мне дорого стоить. Члены же данного ученого совета ее "не заметили". "Не обратили" на нее внимания и все лица, причастные к защите диссертации. Я был утвержден через два-три месяца, хотя при проверке моей диссертации можно было прочитать и критику Бирюкова, и мой ответ.

Вопрос. Вы упомянули о том, что стали "полубезработным". Что это означало и с чем было связано?

Ответ. Это было связано с начавшейся "борьбой с космополитизмом". У нас на кафедре в институте висели портреты всех выдающихся физиологов, в том числе и иностранных. Пришел приказ их снять, а среди них были портреты Дарвина, Гарвея, Людвига, Гейденгайна, Гельмгольца, Клода Бернара. Это и было сделано. Я попытался объяснить, что Дарвин — создатель эволюционной теории, Гарвей — основоположник физиологии, Гельмгольц — единственный ученый, которого Павлов называл гениальным. Кроме того, Гельмгольц, Клод Бернар, Людвиг и Гейденгайн были учителями И.М.Сеченова и И.П.Павлова. После таких слов я снова повесил снятые портреты. И хотя я был беспартийный, меня вызвали в партбюро и дали выговор.

Директор Стоматологического института В.И.Гаврилов относился ко мне очень хорошо. Впоследствии через много лет он даже стал в некотором отношении моим учеником. Он вызвал меня и сказал: "Александр Михайлович, я должен сделать какие-то организационные выводы, так как речь идет о борьбе с космополитизмом. Здесь высказывались далеко идущие идеи, я решил их несколько откорректировать и перевести Вас на половину ставки ассистента". Хотя ни тогда, ни потом он ничего не говорил мне о сути этих далеко идущих идей, речь, видимо, шла о наказании по крайней мере в два раза суровее, т.е. об увольнении. Надо сказать, что многие студенты, прослышав о моей безуспешной попытке восстановить портреты иностранных физиологов, относились ко мне с явной симпатией и даже спрашивали на лекциях: "Что же теперь мы будем изучать: не нормальную физиологию, а русскую?". Задавать подобные вопросы в те годы было небезопасно, и все об этом знали.

В конечном итоге я оказался на "полставке", что было очень тяжело, так как к тому времени я был уже женат и должен был заботиться о содержании семьи.

Вопрос. Вы ученик Черниговского, который принадлежал к "партии" Быкова на павловской сессии. Участвовали ли Вы в работе этой сессии и каково Ваше отношение к ней тогда и сейчас?

Ответ. В сессии участвовали только сильные мира сего. Не участвовал я и в празднествах по поводу этой сессии, которая представлялась как победа павловской школы физиологии, тогда как, конечно, это было не так.

Прежде всего следует отметить, что в отличие от предшествующей аналогичной сессии ВАСХНИЛ 1948 г. это было хорошо организованное мероприятие. Во всяком случае, люди, когда ехали на сессию, знали, что должны говорить. Сценарий был разработан и отрепетирован Ждановым. Как мне говорили, Быков в роли лидера павловской школы оказался случайно. Обсуждались и другие кандидатуры на эту роль. Однако имя Павлова в качестве знамени сессии было

выбрано не случайно. Также закономерно в качестве жертвы был намечен Орбели. По сравнению с ним все остальные были настолько малы, что критика этих ученых не произвела бы столь устрашающего впечатления. Здесь явно напрашивается аналогия с Н.И.Вавиловым. Ведь на самом деле Леон Абгарович был настоящим павловцем и гораздо больше сделал для развития учения Павлова, чем Быков. Быков по существу развивал, если так можно сказать, боковую для наследия Павлова ветвь физиологии. Орбели же развивал все стороны научного наследия Павлова. Конечно, особое внимание он уделял симпатической нервной системе, но обвинения в том, что он недооценивал физиологию высшей нервной деятельности, неверны.

На сессии было много натяжек. Вообще я считаю ее позорнее августовской сессии ВАСХНИЛ. Там тон задавали невежды и проходимцы. Здесь же одна и та же великая наука использовалась для уничтожения других ее ветвей. Учение об условных рефлексах было повернуто для отрицания всех других областей физиологии, и не только физиологии. Все, чем ни занимался Павлов, объявлялось антинаукой. Разгонялись лаборатории по исследованию гормонов, физиологии мышц и т.д.

Итог этого печален. Например, наша страна в области эндокринологии к тому времени занимала не последнее место, но после сессии быстро стала отстающей. Мы потеряли и темпы исследований, и специалистов по большинству физиологических систем (за исключением нервной).

Вопрос. В недавно опубликованной книге по развитию советской физиологии К.А.Ланге утверждает, что павловская сессия имела и положительный результат. В состав редколлегии этой книги входят многие крупные физиологи, в том числе и члены АН СССР. Насколько Вы, один из членов этой редколлегии, согласны с подобной оценкой?

Ответ. Прежде всего хочу заметить, что любой автор имеет право на собственную точку зрения и никакой редактор или член редколлегии не вправе запретить ему это. Что касается данной оценки, то она, как и все на свете, зависит от контекста. Я полагаю, что данная сессия, как и любое насилие над наукой, в принципе не могла иметь положительного значения. Истина должна рождаться в самой науке, а не привноситься извне, а тем более откуда-то сверху в виде некоторой системы инструкций. Если подобное происходит, то наука неизбежно становится уродливой, так как для науки всякая регламентация трагична, поскольку сужает свободу мышления и поиска. Кроме того, подобная регламентация приводит к несвободным отношениям между людьми, явлениями и областями науки по сравнению с теми, которые естественно складываются в процессе познания истины. Ведь по сути дела запрещаются одни подходы, а провозглашаются истинными другие. Вместе с тем соотношения между различными областями науки должны быть совершенно различными для разных наблюдателей. Эти соотношения всегда должны быть неопределенными и нерегламентированными. Наконец, попытки предопределить ход развития науки не просто вредны, это настоящий смертельный грех. В науке нельзя загадывать дальше одного эксперимента, так как результат каждого нового эксперимента предопределяет направление будущего поиска. В этом отношении классическим является ответ И.П.Павлова на требование А.П.Карпинского представить план научно-исследовательских работ: "Каждый следующий опыт предсказывается результатами предыдущего".

Конечно, можно найти и некие положительные моменты в развитии именно физиологии, так как на павловской сессии был провозглашен примат физиологии над всеми остальными биологическими дисциплинами. Во всех союзных республиках были открыты физиологические институты, выделены дополнительные ассигнования. Но это оказалось малополезным мероприятием, так как большинство работ было строго регламентировано, все они велись под строгим контролем "Павловского совета", во главе которого стоял Быков. Поэтому, как правило, выполнялись работы ординарные, но какие-то положительные элементы тем не менее были.

Когда мне рассказали об этой сессии ее участники, я Владимиру Николаевичу сказал, что мне непонятна идея этой сессии. На мой взгляд, возможны три варианта: 1) назад к Павлову, 2) ни шагу от Павлова, 3) вперед с Павловым. Мне по душе последний лозунг, так как только он обеспечивает подлинное развитие физиологии.

Вопрос. Как сам Владимир Николаевич относился к этой сессии?

Ответ. Могу сказать лишь одно. Он никогда не гордился участием в ней, хотя лично для него эта сессия оказалась полезной в административном отношении.

Вопрос. Вы работали по условным рефлексам у кошек, как Вы отмечали ранее. По-видимому, павловская сессия благоприятно отразилась на Вашей работе?

Ответ. Это не так. Как я уже говорил, в течение длительного времени я был полубезработным. Это создавало большие трудности для меня и моей семьи, но оставляло много свободного времени для научной работы. Этот период времени в чисто научном плане складывался удачно. Продолжая работу у Слонима, я контактировал с рядом выдающихся ученых. Так, я много общался с Н.Н.Самариным — нашим крупнейшим хирургом и замечательным мыслителем; с крупнейшим эволюционным физиологом А.Г.Гинецинским, который оказывал мне поддержку и позднее не только предложил стать его преемником по кафедре физиологии в Новосибирске, но и добился того, что это предложение было принято властями города.

Исследования, проводимые мной в то время, были очень интересными для меня и привлекли внимание научной общественности, а в начале 60-х годов вместе с моими работами по пищеварению были отмечены высшей для физиолога премией — премией им.И.П.Павлова. Однако павловская сессия поощрением такого рода работ на занималась. У нее были другие задачи, лежащие в иной области и охватывавшие совсем иные масштабы.

Я хотел бы вновь заметить, что это была одной из многих сессий, задуманных Сталиным, и, следовательно, она преследовала цели, которые невозможно истолковать в чисто научном смысле.

Сейчас, оглядываясь назад, я восхищаюсь великодушием, мужеством и стойкостью духа тех людей, с которыми меня сталкивала судьба. Вероятно, поэтому мне было легче устоять во многих трудных случаях, в частности в битве против иностранных ученых во главе с Дарвином. Кстати, это была первая битва за Дарвина. Вторая битва состоялась намного позднее: в середине 60-х годов в Институте физиологии им.И.П.Павлова АН СССР при обстоятельствах одновременно смешных и трагических.

Вопрос. Неужели и в 60-х годах в этом институте требовалась битва в защиту Дарвина?

Ответ. Представьте себе, что в нашей жизни возможно и это. Дело в том, что по желанию Павлова перед фасадом старого здания института в Колтушах были поставлены бронзовые бюсты Декарта, Сеченова и Менделя, которые символизировали те научные цели, которые Павлов в то время считал наиболее важными. Естественно, что после лысенковской сессии бюст Менделя был снят, а, для того чтобы пьедестал не оставался пустым, на его место был поставлен бюст Дарвина, сделанный неизвестным мне путем. Этот бюст стоял довольно долго и после того, как завершилась трагическая для нашей страны "генетическая эпопея". Но затем в один прекрасный момент справедливость восторжествовала — и Мендель занял подобающее ему место. Я был рад этому, но радость была непродолжительной, так как я увидел бюст Дарвина лежащим на земле. Пришлось объяснять людям, которые это сделали, что справедливость не торжествует в том случае, когда вместо одного плохого поступка делается другой. В конечном итоге для бюста Дарвина был сооружен новый постамент. Я испытывал удовольствие, что один из самых почитаемых мною ученых поднят на должную высоту.

Вопрос. Если я правильно понимаю, все это время Вы работали в русле идей Павлова?

Ответ. Да, это так. Я думаю, что отличия заключались в том, что в мою работу были внесены некоторые новые эволюционные, скорее — сравнительно-физиологические, и некоторые хирургические, т.е. технические, приемы. Однако в основном это были дальнейшее развитие и углубление основополагающих идей Павлова об адаптивной деятельности пищеварительной системы.

Вопрос. Как Вы относитесь к Павлову?

Ответ. Мое отношение к Павлову — это прежде всего восхищение гением человека, идеи и результаты работ которого не только сохраняют свое значение до сих пор, но время от времени дают толчок для формирования новых направлений мысли и исследовательских поисков. Мне пришлось столкнуться с совершенством творческих и "хирургических" замыслов Павлова. Я хотел бы это отметить особо, так как в дальнейшем обстоятельства заставили меня развивать некоторые взгляды, которые отдельными учениками Павлова характеризовались как антипавловские.

Вопрос. Что Вы имеете в виду?

Ответ. Я хочу сказать, что до 1957-1958 годов в моих работах все важнейшие результаты базировались на классической концепции пищеварения, которой ее современный вид придал Павлов. Я имею в виду концепцию полостного пищеварения. Но в 1958 году мною в значительной степени случайно был обнаружен неизвестный ранее тип пищеварения — мембранное пищеварение. С этого времени схема пищеварения и интерпретация пищеварительных процессов стали существенно отличаться от классических.

Дальнейшее исследование мембранного пищеварения, как известно, привело к разработке концепции универсальных функциональных блоков и, следовательно, как к ревизии представлений о путях и механизмах адаптации, так и к анализу явлений на уровне биосферы. В последнем случае важными оказались подходы и традиции, заложенные другим великим ученым, долгое время жившим рядом с Павловым, — В.И.Вернадским.

Хочу, однако, заметить, что изменение моих взглядов ни в коей мере не уменьшило моего восхищения тем, что сделал Павлов. Более того, пройдя теперь уже достаточно долгий жизненный путь и испытав на себе многие трудности, противоречия и искушения жизни, я с еще большим уважением отношусь к кристальной чистоте этой натуры. Павлов справедливо символизирует способность человеческого духа вообще и духа, творящего науку, противостоять, казалось бы, всемогущим силам зла.

*Пока интервью проходило все стадии редподготовки и издания,
А.М.Уголев, к несчастью, ушел из жизни 2 ноября 1991 г.*